

*Протоиерей Александр Задорнов, Д. В. Волужков,
П. И. Гайденко, А. Ю. Митрофанов, А. А. Хохлов*

О церковном законе, Божественном праве и принципе законности: круглый стол Барсовского общества 29 сентября 2023 года

УДК 271.2-74(049.3)
DOI 10.47132/1814-5574_2024_1_78
EDN URPDH

Аннотация: В статье представлены материалы круглого стола, посвященного 170-летию со дня при-суждения еп. Иоанну (Соколову; 1818–1869) степени доктора богословия за исследование «Опыт церковного законоведения», который состоялся 29 сентября 2023 года в Санкт-Петербургской духовной академии. Мероприятие было организовано Обществом изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви (Барсовское общество). Полностью представлены установочные тезисы модератора – Д. В. Волужкова, а также комментарии, с которыми выступили участники дискуссии. Показано, что из ряда вопросов, вынесенных на обсуждение, исследователи сосредоточили свое внимание на двух основных – Божественное право и принцип законности. Делается вывод, что круглый стол послужил мощным толчком для активизации научной дискуссии по вопросам, ранее в таком объеме и такой глубине не выносившимся в Барсовском обществе на обсуждение.

Ключевые слова: епископ Иоанн (Соколов), Барсовское общество, церковное право, церковный суд, принципы права, Божественное право, принцип законности, церковные законы.

Об авторах: Протоиерей Александр Владимирович Задорнов

Кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин и про-ректор по научно-богословской работе Московской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Акаде-мии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: azadornov@yandex.ru

Дмитрий Владимирович Волужков

Секретарь Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духов-ной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»), директор Издательства СПбДА.

E-mail: izdatspbda@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6852-7517>

Павел Иванович Гайденко

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории Московского государственного техниче-ского университета им. Н. Э. Баумана, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета, председатель редакционной коллегии журнала «Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях», действитель-ный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духов-ной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Андрей Юрьевич Митрофанов

Доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского Католического Университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Александр Анатольевич Хохлов

Кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений ФГОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», заместитель декана по научной деятельности, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

Для цитирования: Задорнов А., прот., Волужков Д. В., Гайденок П. И., Митрофанов А. Ю., Хохлов А. А. О церковном законе, Божественном праве и принципе законности. Материалы круглого стола Барсовского общества 29 сентября 2023 года // Христианское чтение. 2024. № 1. С. 78–97.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 28.12.2023; принята к публикации 29.12.2023

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2024

*Archpriest Alexander Zadornov, D. V. Voluzhkov,
P. I. Gaidenko, A. Yu. Mitrofanov, A. A. Khokhlov*

On Church Law, Divine Right and the Principle of Legality: Round Table of the Barsov Society, September 29, 2023

UDK 271.2-74(049.3)

DOI 10.47132/1814-5574_2024_1_78

EDN URPPDH

Abstract: The article presents some materials of the round table devoted to the 170th anniversary of awarding the degree of Doctor of Theology to Bishop John (Sokolov; 1818–1869) for his research “The Experience of Church Law Making”, which took place on September 29, 2023 at St. Petersburg Theological Academy. The event was held by the Barsov Society for the Study of Church Law of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church. The introductory theses of the moderator D. V. Voluzhkov, as well as comments made by the panelists are presented in full. It is shown that of the range of issues presented for discussion, the researchers focused their attention on the two main ones – Divine right and the principle of legality. The conclusion is made that the round table turned out to be a powerful impetus for revitalization of scientific discussion on the issues that had not previously been brought up for discussions of the Barsov Society in such scope and depth.

Keywords: Bishop John (Sokolov), Barsov Society, Church law, Church court, principles of law, Divine right, principle of legality, church laws.

About the authors: Archpriest Alexander Vladimirovich Zadornov

Candidate of Theology, Associate Professor, Head of the Department of Church Practical Disciplines and Vice-Rector for Scientific Theological Research at Moscow Theological Academy; Full Member of the Barsov Society for the Study of Church Law of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: azadornov@yandex.ru

Dmitry Vladimirovich Voluzhkov

Secretary of the Barsov Society for the Study of Church Law of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church. Director of the Publishing House of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: izdatspbda@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6852-7517>

Pavel Ivanovich Gaidenko

Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Historical Sciences and Archival Studies at Moscow State Linguistic University, Professor at the History Department of Bauman Moscow State Technical University, Chairman of the Editorial Board of the journal «Paleorussia. Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas»; Full Member of the Barsov Society for the Study of Church Law of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Andrey Yurievich Mitrofanov

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts at Louvain Catholic University, Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy; Full Member of the Barsov Society for the Study of Church Law of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Alexander Anatolyevich Khokhlov

Ph. D. in History, Associate Professor at the Department of Anthropology and Ethnography of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations of Kazan Federal University, Full Member of the Barsov Society for the Study of Church Law of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

For citation: Zadornov A., archpriest, Voluzhkov D. V., Gaidenko P. I., Mitrofanov A. Yu., Khokhlov A. A. On Church Law, Divine Right and the Principle of Legality: Round Table of the Barsov Society, September 29, 2023. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 1, pp. 78–97.

The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 28.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

29 сентября 2023 г. в Санкт-Петербургской духовной академии в очно-дистанционном формате состоялся круглый стол, посвященный 170-летию со дня присуждения еп. Иоанну (Соколову; 1818–1869) степени доктора богословия за исследование «Опыт церковного законоведения». Мероприятие было организовано Обществом изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви (Барсовское общество). Перед началом круглого стола ректор СПбДА епископ Петергофский Силуан (Никитин) совершил литию в академическом храме святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Организатором и модератором круглого стола выступил секретарь Барсовского общества, директор Издательства СПбДА Д. В. Волужков.

Также в работе круглого стола приняли участие:

– священник Владислав Владимирович Баган — кандидат богословия, кандидат юридических наук, доцент кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин Смоленской православной духовной семинарии;

– Татьяна Анатольевна Долгополова — кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург);

– Ирина Александровна Шершнева-Цитульская — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент кафедры правоведения и практической юриспруденции Института общественных наук РАНХиГС;

– Ирина Валериевна Борц — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исследований церковных институций (ПСТГУ);

– Николай Александрович Тарнакин — магистр теологии, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии, помощник директора Издательства СПбДА.

Круглый стол отличался от аналогичных мероприятий Барсовского общества тем, что в дополнение к установочным тезисам, подготовленным Д. В. Волужковым, участники обсуждения представили свои комментарии, тексты которых приводятся ниже.

**Тезисы к круглому столу, посвященному 170-летию
со дня присуждения епископу Иоанну (Соколову; 1818–1869)
степени доктора богословия
за исследование «Опыт церковного законоведения»**

...личность преосвященного Иоанна замечательна — как по особенностям ее характера, так и редким дарованиям ее ума.

Т. В. Барсов (Барсов, 1869, 640–641)

Настоящий круглый стол посвящен не столько личности самого еп. Иоанна (подр. о личности еп. Иоанна см.: [Исидор Тупикин, 2019; Рождественский, 1914]), сколько роли и значению главного его труда — «Опыт церковного законоведения» — для современной науки церковного права. Разумеется, в рамках одного круглого стола невозможно даже кратко обсудить оба тома «Опыта...», каждый из которых содержит более пятисот страниц. Поэтому для сегодняшнего разговора предлагаю выбрать лишь три вопроса, которые сам еп. Иоанн рассматривает во Введении к «Опыту...», но вначале полагаю необходимым привести краткую биографическую справку.

* * *

Епископ Иоанн (Соколов Владимир Сергеевич; 1818–1869) — сын священника московской Вознесенской церкви (в бывшем Варсонофьевском монастыре). Выпускник Московской духовной академии (со степенью магистра).

Ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1855–1857), Казанской духовной академии (1857–1864), Санкт-Петербургской духовной академии (1864–1866); епископ Смоленский и Дорогобужский (1866–1869).

В течение *десяти лет* — с кон. 1844 г. до нач. 1855 г. — занимал кафедру канонического права Санкт-Петербургской духовной академии.

8 октября 1853 г. ординарный профессор СПбДА архим. Иоанн (Соколов) получил степень доктора богословия за сочинение «Опыт церковного законоведения», изданное в двух томах в 1851 г.

По мнению Т. В. Барсова, «об ученых достоинствах сего труда... говорит уже то самое, что автор удостоен за них высшей ученой степени и звания Доктора Богословия. Кто знает, какими необычайными рожденьями человеческого ума обыкновенно достигается эта степень в среде лиц нашей богословской учености, как крайне скудно число лиц, удостоенных звания Доктора Богословия, тот уже по одному этому поймет и заключит о силе и талантливости дарований автора, предугадает и ученое достоинство настоящего труда» [Барсов, 1869, 642].

* * *

Перейдем теперь к первому вопросу, который, как уже было отмечено, еп. Иоанн рассматривает во Введении к «Опыту...» и который неоднократно обсуждался как на мероприятиях Барсовского общества, так и в публикациях их участников [Оспенников, 2023, 180–198]. Это вопрос о взаимоотношении канонического и церковного права, к которому из «Опыта...» добавим еще и вопрос о *церковном законе*.

Церковный закон, каноническое и церковное право

Епископ Иоанн отмечает: «Правила, по которым Церковь действует своими правами, и вообще — которыми она сама управляет, как общество, и управляет духовной жизнью верующих, составляют *законы церковные* (курсив еп. Иоанна. — Д. В.). <...> По отношению к законам непосредственным богооткровенным церковные каноны составляют их продолжение и раскрытие, а все в совокупности составляют вообще — *право Церкви*...» [Иоанн Соколов, 1851, 6–7].

«Самые правила Церкви издревле означаемы были именем *канонов* (курсив еп. Иоанна. — Д. В.). <...> То, что мы ныне называем церковным правом, т. е. состав, или свод прав и постановлений Церкви, также издревле было известно под общим именем *канона* (курсив еп. Иоанна. — Д. В.)» [Иоанн Соколов, 1851, 7].

«Вообще все, что основывалось на церковных правилах, или имело их своим предметом, называлось *каноническим*; сборники церковных правил назывались также каноническими. Отсюда и для науки о церковных законах составилось название *Права Канонического* (Ius Canonicum) (курсив еп. Иоанна. — Д. В.)» [Иоанн Соколов, 1851, 8].

Как видим, еп. Иоанн не делает различий между понятиями канонического и церковного права, пользуясь главным образом первым, а второе используя в своих текстах без какого-либо акцента. В то же время термин «право каноническое» он усваивает именно науке, а не системе правовых норм.

Что же касается термина «право Церкви», то его употребление заставляет нас обратиться к дискуссии, развернувшейся не только на мероприятиях Барсовского общества, но и в публикациях. Так, в своей статье Ю. В. Оспенников процитировал меня: «Во время одного из обсуждений Д. В. Волужков образно описал соотношение канонического и церковного права сравнением с упрощенной моделью Земли: 1) каноническое право — это твердое неизменное ядро, 2) подобно земной коре, ядро обнимает подвижный слой норм, имеющих отношение к Церкви (вне зависимости от их происхождения), 3) вся вместе эта „Земля“ и есть церковное право» [Оспенников, 2023, 183–184].

Данный образ, по-моему, нуждается в уточнении.

Сравнение с Землей хорошо прежде всего потому, что ее ядро, как известно, не является твердым на всем своем протяжении. Это значит, что между ядром и корой возможны взаимодействия. Именно это обстоятельство, как мне кажется, лучше всего описывает строение церковного права.

Однако для большей точности и меньшей образности необходимы термины, хотя бы рабочие. Сразу оговорюсь, что используемые мною здесь названия норм являются исключительно рабочими наименованиями в рамках настоящих тезисов и не претендуют на введение в научный оборот. Еще уточню, что речь идет о Православной Церкви.

1. «Ядро» составляют «**Канонические нормы**». Это нормы, изложенные в Книге правил. Подчеркну, что представляется крайне важным исторический процесс формирования данного «ядра», т. к., скорее всего, многие нормы, действовавшие в разное время, в «ядро» в итоге не вошли. Этот процесс и судьба указанных норм — тема отдельного исследования и обсуждения.

Характерными особенностями являются единство для всей Православной Церкви, неизменяемость, возможность неприменения. Отсутствует возможность отмены / изменений корпуса норм.

В качестве примеров можно привести Ап. 55 как *достаточно часто* применяемое в наши дни правило, а также, воспользовавшись замечательной монографией иером. Григория (Матрусова), целый ряд правил, применяемых в особых обстоятельствах, и не применяемых сегодня, но не отмененных (см.: [Григорий Матрусов, 2017]).

2. «Кору» составляют «**Экстраканонические нормы**». Это правовые нормы, имеющие отношение к Церкви, вне зависимости от их происхождения и возраста.

Характерные особенности — возможность отмены / изменений / неприменения.

Отсутствует единство для всей Православной Церкви.

При обсуждении в процессе написания данных тезисов Н. А. Тарнакин внес уточнение. Так, разумнее будет выделить две подгруппы данных норм: *исторические и актуальные*. Исторические, т. е. ушедшие в историю и не действующие, хотя формально чаще всего не отмененные, — это, прежде всего, нормы синодального периода. Актуальные — это действующие сегодня (хотя они также могут быть приняты достаточно давно), например Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция), «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ст. 123–26–123–28); Устав Русской Православной Церкви от 2000 г. (со всеми изменениями и дополнениями); Положение о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) (2008 г., с изменениями 2017 г.).

3. «**Трансграничные нормы**». Это нормы, которые переходят из экстраканонических в канонические, однако не сливаясь с ними и не становясь таковыми, что называется, *de jure*, но являясь таковыми *de facto*. Предположение о существовании указанных норм в беседе со мною высказал Ю. В. Оспенников 8 ноября 2022 г.

В качестве примера в нашей беседе фигурировало обязательное монашество епископов (см.: [Цыпин, 2012, 337]); Устав Русской Православной Церкви. Глава XVI. Епархии: «10. Кандидаты в архиереи избираются в возрасте не моложе 30 лет из монашествующих или не состоящих в браке лиц белого духовенства с обязательным пострижением в монашество»). Других примеров указанных норм мне пока не видится, поэтому возникает вопрос, существуют ли еще подобные нормы, либо монашество епископов — единственный их пример?

Характерная особенность — данная норма / нормы двигает(ю)тся только из экстраканонических в канонические, но не обратно.

Отсутствует единство для всей Православной Церкви.

Очевидное исследовательское поле — принцип возможного выбора подобных норм и механизм их перехода.

Очевидная видимая проблема: не являются ли трансграничные нормы правовыми обычаями?

О Божественном праве

Согласно еп. Иоанну, «вот основное начало церковного законоведения: „сознание в правах и законах Церкви высшего права — Божественного“. Идея этого права должна проникать всю науку; по этой идее должны быть объясняемы в ней главные основания церковного управления. Отсюда церковное законоведение не должно быть какою-либо произвольною теориею церковного права и управления, а только верным и чистым изображением того духа, который действует в Церкви» [Иоанн Соколов, 1851, 19–20].

Любопытно, что специального развития тема данного «высшего права» на мероприятиях Барсовского общества не находила вплоть до VI Барсовских чтений, когда 14 декабря 2022 г. к. ю. н., доцент Московской духовной академии Н. С. Семенова во время работы секции заметила, что в своих рассуждениях о разграничении канонического и церковного права мы почему-то забываем о Божественном праве. Замечание нельзя не назвать справедливым, и потому считаю нужным остановиться на этом подробнее.

В известном учебнике прот. Владислава Цыпина Божественному праву отводятся два параграфа в разделе «Материальные источники церковного права» [Цыпин, 2012, 26–29], далее тема раскрывается в главе «Священное Писание как источник церковного права» [Цыпин, 2012, 102–103]. Изложение данной темы о Владиславом вызывает ряд вопросов. Если «нормы Божественного права, являясь основой церковного права, не составляют в своей совокупности законодательного кодекса...» [Цыпин, 2012, 28]

и «...Божественное право нельзя отождествлять с определенными типами формальных источников, скажем — исключительно со Священным Писанием» [Цыпин, 2012, 29], то как мы можем говорить о нормах, подразумевая под этим термином современную его дефиницию? Коль скоро *jus Divinum* составляют «заповеди Спасителя и постановления, изданные боговдохновенными апостолами...» [Цыпин, 2012, 26], то в современном понимании мы должны говорить скорее о неких принципах, заложенных в Божественном праве, а не о его понимании как совокупности правовых норм. (Не будем забывать также о проблематике переводов библейских текстов, разрабатываемой библеистами.) Косвенно это подтверждает и о. Владислав, говоря: «безусловно правомочны лишь те правила и нормы, изданные церковной властью, которые не только не противоречат Божественной воле, но и вытекают из нее» [Цыпин, 2012, 28].

Указанная проблема установления правомочности церковно-правовых норм Божественной воле заставляет нас обратиться к практике светского права с его институтами, специально созданными для проверки соответствия принимаемых нормативных правовых актов нормам Конституций (Основных законов). Наличие независимого от законодателя органа (Конституционный суд¹ или подобное) позволяет исправить ошибку законодателя в случае внесения в правовой акт тех или иных положений, не соответствующих Основному закону. Но данный институт (Конституционный суд) имеет дело, как правило, с писаной Конституцией². Как же проверять церковно-правовые нормы на соответствие Божественной воле?

Какие могут быть варианты решения данной проблемы? Постоянно действующая каноническая комиссия при Межсоборном присутствии, с последующим одобрением ее заключений на Архиерейском Соборе? Иной какой-либо орган?

Пока же упоминание Божественного права в рамках церковно-правовой дискуссии является неконкретным, абстрактным, оставляющим массу вопросов относительно возможности его реального применения.

О принципе законности

В продолжение начатого 23 июня с.г. на круглом столе «Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы» обсуждения представляется логичным на следующем мероприятии продолжить разговор разбором принципа законности в праве в целом и в церковном праве в частности.

Из приведенного выше суждения еп. Иоанна о *законах церковных* следует, что для него данные законы состоят из «*законов непосредственных богооткровенных*» и «*церковных канонов*» (в данном случае понятия «закон» и «канон» используются автором как синонимические). Соответственно, можно заключить, что для еп. Иоанна право Церкви состоит из / построено на *законах*. Продолжая рассуждение уже на языке предыдущего раздела настоящих тезисов, можно сказать, что *церковные законы / каноны* «составляют продолжение и раскрытие» *Божественного права*. Соответственно, законность / принцип законности в понимании еп. Иоанна можно описать следующим образом: законны только те законы / каноны, которые соответствуют Божественному праву.

Указанное понимание можно назвать пониманием в узком смысле, т.е. внутри самого *права Церкви*.

В то же время подход еп. Иоанна с таковым пониманием роли и значения Божественного права как основы / отправной точки мне представляется крайне важным для понимания законности в церковном праве.

Красной нитью через многие последние мероприятия Барсовского общества проходила мысль о том, что церковное судопроизводство более всего имеет сходства

¹ Подробнее о Конституционном суде см.: [Конституция, ст. 125].

² По крайней мере, в странах романо-германской правовой системы.

с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством России. Вспомним закрепленное в уголовном законе определение принципа законности:

«Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» (УК РФ, Статья 3. Принцип законности).

Соответственно, в церковном судопроизводстве понимание принципа законности невозможно без понимания / определения понятия *Божественное право*. В связи с этим очевидно, что необходимо связать рассуждения о принципе законности в церковном праве с рассуждениями о праве Божественном.

В то же время в теории права существует представление о *принципах законности*, к каковым относят:

- единство законности;
- верховенство законности;
- связь законности с культурой;
- связь законности с целесообразностью;
- всеобщность законности;
- гарантирование прав и свобод личности;
- неотвратимость наказания за нарушение закона.

Если подходить с этой точки зрения, то открывается более чем значительное проблемное поле, в рамках которого предлагаю коллегам хотя бы вкратце (для начала) коснуться в дискуссии каждого из указанных пунктов.

* * *

П. И. Гайденок: Комплекс озвученных и затронутых в тезисах вопросов столь велик, что его вполне хватило бы на двухдневную конференцию. Однако будем довольствоваться теми возможностями, какие нам предоставлены.

Д. В. Волужков предложил нам высказаться о принципах законности, какие могли бы быть применены в отношении канонического права в логике его развития, заданной в последние годы в Церкви. Между тем ни один комментарий не будет полон и основателен без рассмотрения предыдущих суждений автора доклада — о церковных законах и соотношении законности и каноничности, а также о Божественном праве.

Поэтому видится целесообразным прокомментировать все прежде озвученные тезисы.

Во-первых, поднятая в первом тезисе проблема различия или неразличия церковного и канонического права при определенных ракурсах видится крайне важной. Неразличение ее еп. Иоанном (Соколовым) совершенно не означает его правоту. При решении практических задач церковной жизни крайне важно иметь представление как о происхождении, так и об иерархии правовых норм. Более того, хорошо бы подумать и об их применимости в конкретном обществе. В противном случае мы неминуемо сталкиваемся с волюнтаризмом толкования и жонглированием церковно-правовыми нормами, заключающимися, например, в том, что частное постановление, принятое в епархии, может оказаться выше или равным по силе постановлениям Вселенских Соборов. И это еще не самый худший из вариантов развития ситуации. Именно поэтому предложенный Д. В. Волужковым образ соотношения канонического и церковного права видится удачным. Причем он удачен и по иным причинам. Воспользуемся знаниями по геологии и вспомним, что происходит, когда магма, испытывающая внешние влияния или перегревшаяся, вынуждена прорывать земную кору и извергаться разрушительными вулканическими выбросами. Любое небрежное давление на канонические основы или их игнорирование, приводящие к росту напряжения, неминуемо приводят к разрушительным для Церкви конфликтам. В этом случае канонические нормы «взламывают» церковные постановления и сносят все, что создавалось церковным

сознанием на протяжении столетий без должной оглядки на суть канонов и их догматическую основу.

Канон выступает своего рода мериллом, нормой, на которую ориентируются. Во же время обычные церковные и правовые постановления — лишь производные или же обычные наслоения, призванные вписать жизнь отдельных Поместных Церквей, обществ и государств, действующих в конкретных исторических условиях, в порядок церковного и государственного строя данного времени. Впрочем, в отмеченном контексте и с каноническими нормами не все так просто. Они также создавались в определенных исторических условиях, нередко являясь ответами на конкретные обстоятельства. Поэтому применять подобные нормы вне таковых условий ошибочно и недопустимо. Последнее обстоятельство, к сожалению, крайне редко принимается во внимание, если принимается вообще. В отмеченном контексте еп. Иоанн (Соколов), по сути, игнорирует историческую и каноническую сторону проблемы, неоправданно упрощая ситуацию, что в целом вполне вписывается в представления о каноническом и церковном праве его эпохи.

Второй тезис — о Божественном праве — не менее интересен.

Что есть Божественное право? Если Божественное право нельзя отождествлять с формальными источниками, то можно ли его называть в этом случае правом? Ведь даже Божественная воля нуждается в неких формах... В самом деле, насколько оправданно отождествлять Божественную волю и Божественное право? Здесь мы неминуемо впадаем в казуистику, лишённую смысла. Однако как и через кого является Божественное право? Как оно согласуется с канонами и 2-м правилом Трулльского Собора? Можно ли рассматривать евангельские изречения Христа как Божественное право? И можно ли в данном случае рассматривать Божественное право как право прямого действия? Протоиерей Владислав Цыпин несомненно прав, когда подчеркивает, что Божественное право не может быть ограничено Священным Писанием. Но тогда возникает вопрос: могут ли светские законы быть отражением Божественного права? И может ли светский закон о Церкви быть отражением Божественного права? Как быть, если светские законы и церковные нормы вступят в противоречие с нормами Божественного права? Но и это еще не все. Можно задаться и иными вопросами. Например, Божественное право надмирно или же оно должно рассматриваться в рамках временных условностей? В итоге число таких недоумений растет как снежный ком. Здесь только остается согласиться с высказанными Д. В. Волужковым суждениями и репликами. Особо обращу внимание: всякий серьезный разговор о Божественном праве должен быть предвосхищен историографическим обзором. Откуда и когда появляется концепция Божественного права в церковном праве? Не является ли это неудачным заимствованием из «божественного права» в римском праве? Насколько применима подобная реализация римского опыта божественного права (*fas* или *ius sacrum (divinum)*) в церковном суде? Без такого разговора всяческие отсылки к Божественному праву беспочвенны и обладают чертами манипуляции и спекуляции, поскольку исходят не из практики церковного суда прошлого и настоящего, а из отсылок к мнениям, основания которых, в свою очередь, не менее туманны.

Наконец, перейдем к третьему тезису, посвященному принципам законности.

Высказанные Д. В. Волужковым суждения не только не вызывают возражения, но и порождают дополнительные комментарии. Действительно, насколько верно отождествлять «закон» и «канон», как это делал еп. Иоанн? Их природа, принципы и цели различны, не совпадают и цели их реализации. Если закон стремится к предельно точной регламентации того или иного действия или явления, то канон выступает прежде всего *мерилом* и *ориентиром*. Стремление современной церковной среды, неосознанно воспроизводящей идею еп. Иоанна, отождествить канон и закон не принимает во внимание последствия данного шага.

Казалось бы, такое отождествление упрощает проблему реализации канонических норм. Но ведь многие эти нормы принимались не столько для их реализации, сколько ради *вразумления* тех, кто согрешает. При этом указанное отождествление

возводит согрешение в ранг преступления, что представляется крайне нежелательным и даже опасным искажением смысла как самого поступка, так и мер по его исправлению. В итоге поставленный Д. В. Волужковым вопрос о применимости принципов законности к канонам демонстрирует потенциальную опасность ситуации. Например, единство законности нарушает принцип церковной иерархичности и налагавшихся на провинившихся мер прещения и вразумления. Крайне неоднозначным видится также принцип верховенства законности. В основе канона лежат догматические истины. Однако выше канона — Любовь, которая может превзойти норму канона ради большего — явления Божественного милосердия. Пожалуй, не вызывает возражений то, чтобы каноничность была связана с культурой. Однако культура Церкви и культура мира различны. Говоря о следующем принципе, о связи законности с целесообразностью, установление связи каноничности с целесообразностью представляется делом неоднозначным. Не видится реализуемым и принцип всеобщности законности. Каноны не предполагают равенства церковных лиц перед церковным судом. Более того, этому противится сама практика Церкви. Так, сегодня применение в отношении мирян канонических норм просто невозможно³. Также противятся каноны и церковные установления гарантированию прав и свобод личности. Что же касается принципа «неотвратимость наказания за нарушение закона» применительно к канонам, то он противен духу Христовой любви. Канонические нормы неотвратимы уже в силу Божественного Правосудия.

Таким образом, сравнение суждений еп. Иоанна (Соколова) с современными тенденциями в церковном праве показывает, что все три обозначенные в тезисах Д. В. Волужкова проблемы могут считаться застарелыми. Их, кажется, даже не пробовали разрешать. Одной из причин столь продолжительного избегания серьезного обсуждения накопившихся затруднений может считаться то обстоятельство, что позиция еп. Иоанна (Соколова), отраженная в его работах, фактически легитимировала противоречивое и лишенное внутренней логики понимание законности и каноничности в церковном праве, а также понимание Божественного права, глубокого богословского и историко-правового осмысления которого, кажется, по сей день не предпринималось, что вносит в эту ситуацию еще большую путаницу...

А. Ю. Митрофанов: Проблема определения понятий Божественного права и принципа законности, значение которых было отмечено Д. В. Волужковым, в византийском праве побуждает нас более внимательно рассмотреть некоторые источники этого права. Для этого следует обратиться к своду права, созданному при императоре Юстиниане I (527–565). Как известно, церковное право во всей его совокупности (как собственно каноны византийской Синагмы, так и императорские законы, имеющие отношение к Церкви и вошедшие в Синагогу Иоанна Схоластика и Номоканон XIV титулов) в значительной степени опирается на римское право в его поздней, т. н. ранневизантийской стадии развития. Поэтому для того чтобы разобраться, каким образом понимали категории Божественного права и принцип законности ранневизантийские законодатели, следует ответить на вопрос, как эволюционировали эти категории в римском праве в эпоху поздней империи.

Определяя значение императорских конституций в эпоху позднего принцепата (в период правления династии Северов), Ульпиан (170–228) разъясняет: «То, что угодно принцепсу, имеет силу закона: поскольку вместе с царским законом, который издается от имени его державных полномочий, ему (принцепсу) и для него все свои державные права и власть предоставляет народ»⁴. Таким образом, «*placere*

³ Исключением в данном случае являются установления Статьи 24 «Дела, подлежащие ведению епархиального суда» Положения о церковном суде от 2008 г., предполагающие рассмотрение дел «в отношении мирян, относящихся к разряду церковно-должностных лиц». — *Прим. ред.*

⁴ «*Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote cum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat*» (DJ 1. 4. 1 pr.).

principis» (воля императора) является источником права и формирует принцип законности, ибо воля императора является выразителем державных прерогатив римского народа, который делегирует свои прерогативы принципсу. Подобное представление о принципе законности, сформулированное в III в. Ульпианом, в VI в. было заимствовано комиссией Трибуниана (ок. 500–542), занимавшейся по поручению Юстиниана I ревизией римской правовой литературы, и инкорпорировано в состав Дигест (Пандект). Причем, как полагали некоторые исследователи, в частности Ю. А. Кулаковский, в выражении «cum lege regia» («вместе с царским законом») прилагательное «regia» («царским») представляет собой интерполяцию комиссии Трибуниана, отражающую представления об императорской власти как о власти автократора и василевса, т. е. царя, заимствованные римской правовой традицией из правовой системы эллинистических монархий и окончательно утвердившиеся в римском праве только в эпоху домината, т. е. при Константине (306–337) и его ближайших преемниках Константине II (337–340), Константе (337–350) и Константе II (337–361). При этом до 2-й пол. IV в. императорская власть в Риме обожествлялась точно также, как обожествлялась власть селевкидских царей в завоеванном македонцами Иране или же власть Птолемея в Египте. Например, автор Миланского эдикта 313 г. император Константин был обожествлен еще при жизни вместе со своим отцом августом Констанцием I Хлором (цезарь с 293 г., август с 305 по 306 гг.): изображения Константина чеканились на золотых солидах вместе с изображением Гелиоса как персонификации Sol Invictus (Непобедимого Солнца). После смерти Константин был причислен к богам, несмотря на факт его крещения в Никомедии в мае 337 г.

Языческая традиция обожествления императора прервалась в Римской империи после гибели Юлиана Отступника (360–363), однако даже после этого последующие императоры продолжали носить древний языческий титул Верховного Первосвященника (Pontifex Maximus) вплоть до императора Грациана (375–383), отказавшегося от него. Таким образом, Божественное право с точки зрения традиционного римского права было тесно связано с божественными прерогативами римского народа, дарованными богами легендарным прародителям римлян Энею и Ромулу, реализовавшимися в период Республики через полномочия магистратов и считавшимися в рамках установленной Октавианом Августом (29 г. до Р. Х. — 14 г. по Р. Х.) системы принципата делегированными принципсу, т. е. императору.

В период совместного правления Грациана (375–383), Валентиниана II (375–392) и Феодосия I (379–395) под влиянием торжествующего христианства в римском императорском законодательстве происходит серьезное переосмысление понятия Божественного права. В 380 г. императоры издают известный Фессалонийский эдикт, в котором объявляют: «Мы хотим, чтобы все народы, которыми управляет сила нашей милости, придерживались той религии, которую передал римлянам божественный апостол Петр. Проповеданная им религия вплоть до нынешнего времени провозглашает и разъясняет необходимость следовать за понтификом Дамасом и мужем апостольской святости Петром Александрийским. То есть, что в соответствии с апостольской дисциплиной и евангельской доктриной мы веруем в единое Божество Отца, Сына и Духа Святого в равном величестве и в благой Троице»⁵.

Этот эдикт, ставший основой последующего религиозного законодательства императоров как Западной, так и Восточной империи, во-первых, признавал, что христианство, проповеданное римлянам Петром, теперь является единственной официальной религией империи, а во-вторых, уточнял, что единственной легальной формой христианства признается омоусианство, т. е. вероисповедание, основанное

⁵ «Cunctos populos, quos clementiae nostrae regit temperamentum, in tali volumus religione versari, quam divinum petrum apostulum tradidisse romanis religio usque ad nunc ab ipso insinuata declarat quamque pontificem damasum sequi claret et petrum alexandriae episcopum virum apostolicae sanctitatis, hoc est ut secundum apostolicam disciplinam evangelicamque doctrinam patris et filii et spiritus sancti unam deitatem sub pari maiestate et sub pia trinitate credamus» (CJ 1. 1. 1. pr.).

на вероопределении Никейского Собора 325 г. и утвержденное папой Дамасом (366–384) и Александрийским епископом Петром. В новых исторических условиях торжества христианства императоры, не отказываясь от древней интерпретации императорской власти как власти, имеющей божественное происхождение, одновременно с точки зрения права делегировали формулирование догматов Церкви конкретным епископам, тем самым признавая определенное равенство Церкви и императорской власти в чисто религиозных вопросах.

Впоследствии положения этого эдикта постоянно повторялись и уточнялись. Итогом этого процесса стал закон Юстиниана I, изданный в 534 г., после успешного завершения войны с вандалами и аланами в Северной Африке, и представлявший собой цитату из письма Юстиниана папе Иоанну II (533–535): «Как правила отцов, так и императорские определения и благочестивейшие побуждения вашего высокопреосвященства свидетельствуют, что вы поистине являетесь главой всех церквей. Итак, очевидно, что в вас исполнилось в полной мере то, о чем говорит Писание: „через меня цари царствуют и князья начертывают правду“»⁶.

Итак, Юстиниан признавал папу «главой всех церквей» и цитировал при этом книгу Притчей Соломона (Притч 8:15–16), в которой говорится о том, что источником власти царей является Бог Израилев. Это был еще один важный шаг на пути уравнивания римской императорской власти и власти христианских епископов, причем в первую очередь предстоятелей Римской Церкви как епископской кафедры первой столицы империи. Впоследствии, в знаменитой VI новелле, Юстиниан развивал целую теорию равночестности духовной и светской властей — священства и империи, которые сравнивались им с душой и телом человека (NJ 6. pr.).

Подобная эволюция отношения позднего римского права к понятию Божественного права под влиянием христианства в определенной степени соответствовала тем представлениям о принципе законности, которые существовали в эпоху позднего принципата. Определяя принцип законности, Ульпиан заявляет: «Прежде чем рассуждать о праве, необходимо знать, откуда происходит наименование права. Право называется так от понятия справедливости: ибо, как красноречиво определяет Цельс, право есть искусство доброго и равного»⁷.

Таким образом, в основе понятия законности с точки зрения римского права лежит принцип справедливости, иными словами, искусство различения того, что есть благо и что есть равноправно. Ульпиан опирается в этом утверждении на Цельса, философа-платоника II в., близкого Марку Аврелию (161–180). Век спустя после Ульпиана, в 325 г., император Константин доверяет синоду епископов разбирательство дела александрийского пресвитера Ария и делегирует епископам в провинциях «*episcopalis audientia*» — право судебного разбирательства по гражданским и уголовным делам в случае апелляции к епископу любой из сторон судебного процесса. Преемник Константина Констанций II превращает синоды епископов в регулярно действующий орган церковного управления, деятельное участие в котором принадлежит императору. Коллективный орган профессионалов может теперь судить о догматах веры (а в ряде случаев — об уголовных преступлениях) с точки зрения императорской власти более компетентно, более адекватно может владеть искусством различения доброго и равного, нежели императорская канцелярия, которая в эпоху домината становится практически неотделимой от Главной Квартиры — штаба императорского комитета (полевой армии), или же чем преторы в провинциях. Как отмечала Г. Е. Лебедева, эволюция социальной структуры ранневизантийского общества способствовала в IV–V вв. интенсивному увеличению числа клириков, к которым в VI в. прибавились также монахи. Данное

⁶ «*Quam esse omnium vere ecclesiarum caput et patrum regulae et principum statuta declarant et pietatis vestrae reverentissimi testantur affatus. patet igitur in vobis impletum fore, quod scripturae loquuntur: 'per me reges regnant et potentes scribunt iustitiam'*» (CJ 1.1.8.1).

⁷ «*Iuri operam daturum prius nosse oportet, unde nomen iuris descendat. est autem a iustitia appellatum: nam, ut eleganter celsus definit, ius est ars boni et aequi*» (DJ 1. 1. 1. pr.).

обстоятельство предопределяло стремление императорской власти, с одной стороны, законодательно ограничить доступ в клир рабам и колонам-адскриптициям, а с другой стороны, при помощи соответствующих законов перекрыть доступ в епископат воинским чинам и куриалам. Подобная динамика свидетельствует безусловно в пользу определенной стихийной бесконтрольности клира, спровоцированной желанием императорской власти поделиться с епископатом своими божественными прерогативами.

Подобное делегирование императорской властью епископату законодательных прав в области определения норм Божественного закона (догматов) и при осуществлении принципа законности существовало в Византии до иконоборческой эпохи. Но в 726 г. император Лев III (717–741), а также его сын и соправитель Константин V (741–775) издают «Эклогу» — новый правовой кодекс на греческом языке, призванный заменить старое латинское законодательство, унаследованное средневековыми ромеями от древних римлян. Лев и Константин провозглашают: «И так как Бог вручил нам императорскую власть, такова была Его божья воля, он принес этим доказательство нашей любви к Немю, сочетающейся со страхом, и приказал нам пасти самое послушное стадо, как корифею апостолов Петру, мы полагаем, что ничем не можем воздать Богу должное скорее и лучше, чем управлением доверенными им нам людьми» (Эклога, 1965, 41).

Таким образом, императорская власть отбирает у епископата в лице Римского папы право пасти овец, данное Христом ап. Петру, и в соответствии с принципами древнего римского права объявляет себя верховным пастырем, власть которого обосновывается теперь уже не легендой о капитолийской волчице, а Евангелием — главным источником как Божественного права, так и принципа законности в средневековой Византийской империи. Законно то, что соответствует Евангелию и утверждается императором. Как следует из подложного письма папы Григория II (715–731), Лев III даже будто бы утверждал в личной переписке с Римским епископом: «я — император и священник» («*imperator sum et sacerdos*»).

Протоиерей Александр Задорнов: В свое время протопресв. Николай Афанасьев указывал, что «церковное право, как наука, представляет из себя особый вид экклезиологии. Она изучает жизнь Церкви как живого и живущего организма» (Афанасьев, 1993, 9). К сожалению, зачастую при разговоре о церковном праве его «богословская составляющая» ограничивается лишь разделом систематического богословия, изучающим церковное устройство и юрисдикцию. Современное секулярное сознание (как на обычном, так и на обывательском уровнях) противится самому наименованию «Божественное право», относя его к области «ненаучной метафизики» или «терминологической условности».

В представленных тезисах Д. В. Волужкова как будто противопоставляется Божественное право как совокупность правовых норм и как принципы, данные Главой Церкви всем ее членам. В действительности такое противопоставление возможно лишь в случае, если мы будем игнорировать понятие Божественной воли как материального источника права, чьим формальным выражением являются конкретные церковно-правовые акты. Так, в первой вводной главе канонического Устава Русской Православной Церкви говорится о том, что «Русская Православная Церковь, при уважении и соблюдении существующих в каждом государстве законов, осуществляет свою деятельность на основе: а) Священного Писания и Священного Предания; б) канонов и правил святых апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов; в) постановлений своих Поместных и Архиерейских Соборов, Священного Синода и указов Патриарха Московского и всея Руси; г) настоящего Устава» (Устав I.4) (Устав, 2023). Связь между пунктами а) и г) заключается как раз в декларируемом праве на выражение воли Основателя Церкви, данной в одном случае напрямую (Священное Писание как элемент откровения Божественного права), а в другом — как выражение общих принципов той же воли Законодателя.

Следует признать, что даже у самих православных канонистов эта проблема соотношения действующего законодательства с Божественным правом слабо отрефлексирована и, во всяком случае, не может быть признана окончательно решенной. Также, по верному замечанию автора тезисов круглого стола, проблема установления правомочности церковно-правовых норм Божественной воле связана с реальной претензией канонического права быть юридической наукой и тем самым разделять главные положения последней. В частности, соответствовать «практике светского права с его институтами, специально созданными для проверки соответствия принимаемых нормативных правовых актов нормам Конституций (Основных законов)». Таким институтом автор предлагает видеть, например, постоянно действующую каноническую комиссию при Межсоборном присутствии, что вряд ли возможно, т.к. само Межсоборное присутствие имеет статус лишь совещательного органа («Межсоборное присутствие является совещательным органом, содействующим высшей церковной власти Русской Православной Церкви в подготовке решений, касающихся наиболее важных вопросов внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви» (Положение, 2023)).

Полномочиями же, указанными в тезисах Д. В. Волужкова, могут обладать два коллегиальных церковных органа управления — Архиерейский Собор и являющийся органом управления Русской Православной Церкви в период между Архиерейскими Соборами Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха. Согласно Уставу, в обязанности Архиерейского Собора входит «хранение чистоты и неповрежденности православного вероучения и норм христианской нравственности и истолкование этого учения на основе Священного Писания и Священного Предания» (т.е. элементов Божественного права) и «компетентное истолкование святых канонов и иных церковных законоположений» (Устав III.5. а), е); Устав, 2023).

Аналогичным образом обязанностью Священного Синода является «толкование канонических постановлений и разрешение затруднений, связанных с их применением» (Устав V.25. д); Устав, 2023).

К тому же оба этих органа, помимо правительственной власти, также обладают и властью судебной — самостоятельной в случае Архиерейского Собора и делегируемой Священным Синодом Высшему Общецерковному суду. В последнем случае на практике осуществляется проверка «соответствия нормативных правовых актов нормам» Божественного права, в том числе через выносимые этим судебным органом апелляционные решения. Для их принятия Высший Общецерковный суд занимается указанной выше функцией канонической интерпретации и оценкой правоприменения, т.е. функций, данной церковным законодателем Синоду и уже Синодом делегированной этой судебной инстанцией Русской Православной Церкви.

Это положение соответствует тезису русского канониста С. В. Троицкого о том, что Церковь есть хранительница Божественного права, а православный епископат — его истолкователь (см.: [Троицкий, 2019, 184]).

Поставленную проблему невозможно решить без обращения к общим основаниям, т.е. философии канонического права (в американской традиции — юриспруденции). При достаточной теоретической и практической разработанности целых разделов канонической науки (брачное право, судопроизводство, каноника таинств) фундаментальные ее основания нельзя признать пока до конца отрефлексированными.

Для концепта Божественного права такими основаниями являются вопросы критерия в различении принадлежности конкретной нормы к Божественному или позитивному праву, воли Христа как законодательной воли, различие между естественным и откровенным Божественным правом, а также значение Божественного права в системе канонического права вообще. Что следует понимать под «ясно выраженным сознанием Вселенской Церкви», на которое ссылаются канонисты (в частности, А. С. Павлов) как на указание безошибочности *jus divinum* (учитывая позднее вхождение самого понятия «сознание» в тезаурус юриспруденции напрямую из немецкого идеализма второй трети XIX столетия)?

Может ли Божественное право взаимодействовать не только с позитивным, но и с естественным правом не новозаветного лишь периода, т. е. римским, но и с современными правовыми системами? Могут ли последние претендовать на статус естественного права без обращения к тем дискуссиям, которые велись в области юриспруденции на рубеже XX–XXI вв. и связаны с именами Г. Харта, Д. Раза, Р. Дворкина, Л. Фуллера и Д. Финниса? Уместно ли вспоминать этих классиков при рассмотрении теоретических вопросов канонического права или церковно-правовая наука должна ограничиться лишь собственными классиками?

Все эти вопросы еще только ждут своего изучения, пока же можно сказать следующее. Божественное право — это откровение воли Божией через юридические нормы в церковной истории. Раскрытие этого тезиса — задача специального исследования.

Даже не соглашаясь в полной мере с утверждением Д. В. Волужкова о том, что концепт Божественного права пока «является неконкретным, абстрактным, оставляющим массу вопросов относительно возможности его реального применения», следует воспринимать этот во многом справедливый упрек как приглашение к дальнейшей давно назревшей работе в этой области.

А. А. Хохлов: В современной юридической науке принципы права — это руководящие нормы права, определяющие содержание и направления правового регулирования. В зависимости от того, основу системы права в целом либо отдельных ее нормативно-правовых общностей составляют принципы права, выделяют их специальные группы. Едва ли здесь уместно раскрывать содержание каждой из них. Исходя из чего ограничимся тем, что в их числе имеет место группа общеправовых принципов. Специалисты включают в нее: верховенство права, законность, равенство всех перед законом (равноправие), взаимную ответственность личности и государства, ответственности при наличии вины. Обозначенные принципы являются результатом длительной эволюции права в России и исходят прежде всего из разумности и объективности.

Прежде всего нас интересует принцип законности. Законность — один из ключевых правовых принципов, при котором лица, вовлеченные в реализацию правовой системы, строго и неукоснительно соблюдают ее нормы. Принцип законности утилитарен по своей сути, и его применение гарантирует эффективное функционирование социального организма.

Однако его конкретное содержание представляет собой проблему даже для светской юридической науки, в которой до сих пор нет общепринятого подхода к раскрытию данного вопроса. Тем не менее правоведы в целом сходятся в понимании ключевых аспектов этой категории: принцип законности — это «власть закона» в самом широком спектре правоотношений. Важно подчеркнуть: не власть людей, а именно закона. Любое правовое регулирование на каждом своем этапе должно соотноситься с принципом законности и осуществляться в соответствии с ним. При этом законность должна иметь непосредственную связь с этикой и принципом справедливости в рамках следования установке их непротиворечивости. По крайней мере, так обстоит видение вопроса в светской юридической науке.

Но закономерен вопрос, насколько принцип законности актуален для церковных правоотношений. К слову, в памятниках канонического и русского церковного права мы не найдем указаний на данный принцип в таком его понимании, которое имеет место в светском праве. Тем не менее идея примата закона в церковной правовой науке в той или иной степени все же имеет место. К примеру, для еп. Иоанна (Соколова) церковный закон — это прежде всего основа всего здания Церкви (Иоанн Соколов, 1851, 6–7). У еп. Никодима (Милаша) также читаем: «Пока... церковная законодательная деятельность будет развиваться правильно и в духе основных законов церкви, до тех пор и предписания церковного законодательства должны будут иметь такую обязательную силу, какую они сохраняли в течение веков» [Никодим Милаш,

1897, 64]. Развивая эту мысль, еп. Никодим продолжает: «Какой-нибудь закон правильно опубликован, и когда никто не может быть извинен незнанием его, то одну из самых главных обязанностей церковной власти составляет наблюдение за всеобщим исполнением этого закона и привлечение к своему суду и наказанию каждого, кто презирает или преступает какой-либо закон. Здесь на первом месте связанными законом являются сами носители власти церковной, предстоятели церкви, которые, как таковые, не смеют распространять свою власть ни на учение церкви, которое они должны свято хранить и проповедовать во всем так, как принято и утверждено Вселенскою Церковью; ни на предписания церкви, касающиеся основных ее учреждений, ни на богослужбные уставы, предписанные церковью, которые они обязаны сколько сами хранить, столько же заботиться об исполнении их другими» [Никодим Милаш, 1897, 67–68]. Таким образом, мы наблюдаем принципиальное сближение двух правовых систем в обозначенной части.

Тем не менее в действующем сегодня Положении о церковном суде от 2008 г. принцип законности, как ни странно, отражения не находит, как и ряд других важнейших принципов, в совокупности обеспечивающих состоятельность церковного правосудия. Между тем данный вопрос является принципиальным по своей сути. Ключевая проблема здесь нами усматривается в потенциальной опасности злоупотреблений, к примеру, в рамках церковного судопроизводства или же формального отношения к каноническим и церковно-правовым нормам в процессе его реализации, что способно поставить под вопрос его легитимность как таковую.

Для того чтобы показать, что указанные опасения отнюдь не беспочвенны, оптимальным было бы обратиться к разбору практики современного церковного судопроизводства на примере конкретных случаев. Однако учитывая тот факт, что оно носит закрытый характер, в нашем распоряжении имеются лишь отдельные примеры из открытых источников. Так, некоторую помощь здесь оказывают материалы церковной апелляционной судебной инстанции, публикуемые на официальных церковных ресурсах. К примеру, в решении Высшего Общецерковного суда от 8 декабря 2022 г. сообщается о рассмотрении апелляционной жалобы запрещенного клирика Россошанской епархии иерея Николая Молоканова на решение церковного суда Россошанской епархии от 13 июля 2022 г. о лишении его священного сана (Решение, 2023). Высшая апелляционная инстанция признала неправомерным решение епархиального церковного суда Россошанской епархии в части вменения иерею Николаю Молоканову в вину развода с супругой, поскольку в материалах епархиального суда не содержится доказательств таковой вины. Таким образом, налицо явное злоупотребление принципом законности при осуществлении правосудия.

Потенциально негативную роль здесь играет все тот же принципиально закрытый характер церковного судопроизводства. Между тем, объясняя данную особенность, прот. Владислав Цыпин отмечает: «Если проводить условную аналогию, то церковный суд по форме следовало бы сравнивать, скорее, со служебной проверкой в организации, которая практически всегда носит закрытый характер. Ведь она распространяется на отношения, которые возникают только в связи с добровольным занятием человеком должности в той или иной организации и его согласия на подобную проверку» [Цыпин, 2023]. В этом смысле практика закрытости вроде бы вполне закономерна и обоснованна. Однако это принципиально не решает проблемы неуклонного следования принципу законности при вынесении итоговых решений лицами, наделенными соответствующими полномочиями. Как результат, правосудие оказывается в жесткой зависимости от самого характера судопроизводства, обусловленного пусть даже и благочестивой традицией.

Решение очерченной проблемы нами видится в необходимости более детальной проработки принципов судопроизводства в действующем церковном праве, их интеграции в церковные правовые документы и разработки компенсаторных, а также санкционных механизмов для предотвращения их нарушения, коль скоро церковный суд не может быть перестроен на основе принципов гласности и открытости.

Таким образом, из всех участников круглого стола авторскую концепцию взаимоотношения канонического и церковного права, предложенную Д. В. Волужковым, поддержал лишь П. И. Гайденко. Остальные участники дискуссии сосредоточили свое внимание на двух других темах — Божественное право и принцип законности. Именно последние стали на круглом столе предметом достаточно эмоциональной полемики. О степени ее накала и значимости для дискуссантов свидетельствует то, что двое участников обсуждения — прот. Александр Задорнов и А. А. Хохлов — подготовили по указанным темам развернутые доклады на VII Барсовские чтения, состоявшиеся 8 декабря 2023 г. в СПбДА.

В целом можно констатировать, что событие, ставшее поводом для круглого стола Барсовского общества — 170-летие со дня присуждения еп. Иоанну (Соколову) степени доктора богословия, — при всей своей кажущейся камерности не только дало Санкт-Петербургской духовной академии возможность молитвенно помянуть своего бывшего ректора и многолетнего преподавателя каноники, но и послужило мощным толчком для активизации научной дискуссии по вопросам, ранее в таком объеме и такой глубине не выносившимся в Барсовском обществе на обсуждение⁸. Прошедшие в декабре 2023 г. VII Барсовские чтения только подтвердили этот вывод.

Источники и литература

1. Афанасьев (1993) — *Афанасьев Н., протопр.* Вступление в Церковь. М., 1993.
2. Барсов (1869) — *Барсов Т. В.* Заметка об ученых трудах преосвященного Иоанна // Христианское чтение. 1869. № 4. С. 639–654.
3. Ведяев (2022) — *Ведяев А. В.* К вопросам об отраслях в церковном праве и о соотношении Исповеди и церковного суда. Отзыв на статьи иером. Тихона (Воробьева) и Т. А. Долгополовой («Христианское чтение» № 3 за 2022 г.) // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 222–229.
4. Григорий Матрусов (2017) — *Григорий (Матрусов), иеродиак.* Каноны: правила Церкви и правила жизни. Проблемы и практика применения канонов первого тысячелетия в современной жизни Православной Церкви. М.: Изд-во Новоспасского м-ря, 2017. 416 с.
5. Долгополова (2022) — *Долгополова Т. А.* К вопросу о возможности применения принципа состязательности в практике современного церковного суда Русской Православной Церкви // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 213–220.
6. Иоанн Соколов (1851) — *Иоанн (Соколов), архим.* Опыт курса церковного законоведения. СПб., 1851.
7. Исидор Тупикин (2019) — *Исидор (Тупикин), митр.* Епископ Смоленский и Дорогобужский Иоанн (Соколов): жизнь и труды. М.: Изд-во Сретенского м-ря, 2019. 231 с.
8. Конституция — Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
9. Никодим Милаш (1897) — *Никодим (Милаш), еп. Далматский.* Православное церковное право: Сост. по общим церковно-юрид. источникам и частным законам, действующим в автокефальных церквях / Пер. с серб. [и предисл.] Мил. Г. Петровича. СПб., 1897.

⁸ Справедливости ради следует отметить, что принцип законности так или иначе обсуждался как на мероприятиях Барсовского общества (см., напр.: [Принципы права и церковный суд, 2023; Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве, 2023]), так и в публикациях их участников (см., напр.: [Гарнакин, 2019, 159–166; Долгополова, 2022, 213–220; Ведяев, 2022, 222–229; Оспенников, 2023, 180–198]).

10. Оспенников (2023) — *Оспенников Ю. В.* Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества) // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 180–198.
11. Положение (2023) — Положение о Межсоборном присутствии Русской Православной Церкви. I. 1. Цели и задачи Межсоборного присутствия // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/intersobor/ustav/> (дата обращения: 01.12.2023).
12. Принципы права и церковный суд (2023) — Круглый стол «Принципы права и церковный суд: проблемные поля» // АНО «Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии». URL: <https://izdat-spbda.ru/barsovskoe-obshchestvo/post/kruglyj-stol-principy-prava-i-cerkovnyj-sud-problemnye-polya> (дата обращения: 20.12.2023).
13. Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве (2023) — Круглый стол «Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы» // АНО «Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии». URL: <https://izdat-spbda.ru/barsovskoe-obshchestvo/post/sostoyalsya-kruglyj-stol-barsovskogo-obshchestva-principy-sostyazatelnosti-i-obvinitelnosti-v-cerkovnom-sudoproizvodstve-sochetanie-elementov-tendencii-perspektivy> (дата обращения: 20.12.2023).
14. Решение (2023) — Решение Высшего Общецерковного суда Русской Православной Церкви по делу № 02-П-2022 // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6002929.html?ysclid=lqf5irjt7c866936198> (дата обращения: 01.12.2023).
15. Рождественский (1914) — *Рождественский Д. В., свящ.* Преосвященный Иоанн, епископ Смоленский: Крат. биограф. сведения и характеристика личности преосвящ. Иоанна. Обзор его проповеднических трудов жизненно-практ. направления. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1914. 98 с.
16. Тарнакин (2019) — *Тарнакин Н. А.* Церковный суд и суд светский: общее и различное в принципах // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 3. С. 159–166.
17. Троицкий (2019) — *Троицкий С. В.* Лекции по церковному праву // Праксис. Научный журнал Московской духовной академии. Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной академии, 2019. № 1 (1). С. 148–215.
18. Устав (2023) — Устав Русской Православной Церкви с исправлениями и дополнениями, внесенными определениями Архиерейских Соборов 2008, 2011, 2013, 2016 и 2017 гг. // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/> (дата обращения: 01.12.2023).
19. Цыпин (2012) — *Цыпин В., прот.* Каноническое право. 2 изд. М.: Изд-во Сретенского м-ря, 2012. 864 с.
20. Цыпин (2023) — Протоиерей Владислав Цыпин: Церковный суд всегда надеется на покаяние провинившегося клирика // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5781699.html> (дата обращения: 01.12.2023).